



АНАТОЛИЙ КАЗАКОВ



Телогрейка для дочери

РАССКАЗ

Всю войну думал о жене Марии солдат Конев Алексей Петрович. Когда шли боевые действия, не до дум всё-таки было, но всё одно проскальзывало. А когда он в окопах сидел, тут мысли лезли в голову, да они и спасали, ведь в них дом родной, сердешные мои люди. Ведал Алексей, что каждый, кто на войне, думает о близких, так человек устроен, и о том, что нет на белом свете одинаковой судьбы, вот где загадка.

До войны в их сибирском селе было, в общем-то, неплохо жить, и люди не голодовали. Работа тяжёлая, но Сибирь-Магушка, рыбкой, птицей, зверем всегда человека подкармливала. Маша его родила ему четверых детей, и все три дочки во младенчестве померли. Сколотит маленький гробик Алексей, да и несёт его на

КАЗАКОВ Анатолий Владимирович — поэт, публицист. Родился 29 января 1966 г. в г. Братске. Окончил ПТУ, получив специальность сварщика. Долгое время работал на заводе отопительного оборудования «Сибтепломаш». С 1990 г. занимается литературным трудом, основу которому заложил поэтический клуб «У Сербского». С 2011 по 2012 г.г. был председателем литературного клуба «Братский самородок». Выпустил в свет 11 книг — рассказы, сказки, очерки. Рассказы опубликованы в литературных журналах «Имена Братска», «Истоки», «Живое слово», «Сибирячок», «ВеликороссЪ». В 2014 году был награждён серебряной грамотой «Духовность» в рамках Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». В 2017 г. стал серебряным лауреатом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за очерк «Беловские чтения». Удостоен юбилейной медали «В память 100-летия восстановления Патриаршества в РПЦ». Живет в Братске.

погост, а люди видят всё, жалеют, крестятся. Много старух горестно качают своими головами в такие моменты жизни, глядя на мужика, несущего гробик. А Алексей не глядит на окна земляков, потому что знает, что смотрят и молятся люди. Во многих домах младенцев хоронили, такова жизнь. У каждого в деревенских домах детей помногу, и здесь особо грустить некогда, хотя и для этого время особое Господом отведено. Многодетные семьи действительно спасали от ненужной тоски, да и работа спасала.

Саднило, ох, как саднило душу Алексея, ну хоть один детёныш пусть выживет, Господи, — думал он. Четвёртую, Анечку, уж как только ни пытались сберечь, после трёх предыдущих смертей. И вот, слава Богу, уберегли. Дочке уже было пятнадцать лет, а тут война окаянная случилась. Обнял на прощание Алексей жену и дочку, наказав, чтоб берегли друг дружку. Сколько слёз было пролито в те страшные години, казалось, нескончаемого лихолетья. Сибиряки народ крепкий. Дважды был ранен Алексей Петрович, но он снова возвращался в строй. Слава Богу, одолели врага, и вновь возвращался Алексей домой. Тянуло домой так, что, казалось, душа вместе с сердцем наружу выскочит. И вот родное село! Вот ещё немного, и радость в его дом постучится.

В городе, пока он искал попутку до деревни, встретил земляков, они его с собой и забрали. Подвода всё ближе приближала Алексея к дому, и он жадно вглядывался в родные места. Ничегошеньки от него не ускользало: птичка какая, травинка лесная, — всё мило сердцу выжившего в горниле войны солдата. Ему казалось, что всё живое встречает его, фронтовика, выжившего в страшной войне. Вовек не сочтёшь тех моментов, когда казалось Алексею, что всё, конец, а потом и вовсе он перестал обращать внимание на это. А сам себе, правда, отметил, что какая-то плохая у него привычка появилась, думал, ну и что — как будет, так и будет. Он знал, отчего это всё... Сотни сотоварищей его, погибших и раненых на его глазах! Вот что это было, но перегорело нутро, словно огнём его выжгли, и словно печать поставили: де, ты вроде живой солдат, а вроде и неживой.

Ноги ходят, руки шевелятся, а вот нутро, нет, не объяснить, чего в нём! Ну, а ежели кто спросит... но нет, не спросит никто, у всех такое тягло неминуемое на душе сокрыто. Не ускользнуло от Алексея и то, что мужики какие-то не такие в разговоре с ним, и он напрямую спросил:

— Ты чего, Егор Спиридонович, вроде не договариваешь чего?

Дед, поглядев на солдата, тихо сказал:

— Ты, Алексей, крепись, уж с недели две назад надсадилась твоя Мария. Работа-то у нас знаешь сам какая, — мешки эти неподъёмные. Лежит Маша, и доктор приезжал, в больницу её класть велел. А она — ни в какую. Говорит, дождусь Алёшеньку, а там — будь что будет.

Алексей помрачнел, а Спиридонович продолжал говорить:

— Я как-то раз был в твоей избе, потому как доктора привёз. Понимаешь, обычно принято в город больных с деревни возить, а тут председатель распорядился: вези, мол, говорит, доктора. Он твою Марию за работу шибко ценит. Боялся, что как бы не растрясло её по дороге: колдобины наши извечные, лошадаёнки измотанные. Меня понимаешь, что удивило. Обычно матеря Алешенькой называют, а тут жена, это значит, что любит. Ты, Алексей Петрович, войну вон какую пережил. Даст Бог, когда Мария тебя увидит, то обязательно на поправку пойдёт.

Оставшуюся часть пути они ехали молча. Вбежав в дом, Алексей кинулся к кровати. Прижавшись друг к дружке, муж и жена долго плакали. Вдруг Алексей

ощутил, что его спине стало теплее, видно, дочка прижалась к тятю. Обернулся он, нет дочки, и снова жадно глядел на жену. Боже! Как же постарели мы с тобою, Маша! — думал солдат. Мария попыталась встать, но слабость была настолько сильной, что она снова повалилась на кровать, стараясь держаться, не плакать, говорила мужу:

— Алёшенька! Видишь, какая я. На стол бы чего собрать.

— Ты, Маша, не печалься, если я жив остался, на стол соберу, я чай не без рук.

Из вещмешка Алексей достал солдатскую фляжку, две банки тушёнки, сала да хлеба. Слазил в погреб, набрал в железную миску квашеной капусты, а в другую миску наложил солёных грибов. Вернулся в дом. Маша, пока Алексей лазил в погреб, решила держать себя, не плакать, хотя давалось это ей с трудом.

— Алёша! Там в печи картошки возьми.

Солдат налил себе спирта в железную кружку, Мария пить и есть отказалась. Утром Алексей Петрович уговорил председателя отвезти жену в город. Ещё неделю пролежала Мария в городе и всё-таки померла. Где была дочь Анна, отец не знал. Знал он от Марии, что подалась она в город, а где она и что с ней случилось, толком никто не знал. Эх ты, солдат, солдат! Говорили же тебе на селе люди, что вроде радоваться надо, что ты жив остался, а тут вон ведь какая оказия! Жена умерла, да и дочка неведомо где. После похорон жены поразило фронтовика то, как люди его села живут впроголодь. У них на фронте, хоть каждую минуту можно было погибнуть, но кормили вполне терпимо. Упросил он тогда председателя не торопить его на работу, надо, мол, отдышаться после войны, а сам достал из амбара старые сети, починил их, связал ещё две новых, и отправился на реку.

По первости он сам разносил в каждый дом рыбу. Повеселели от этого земляки, ведь на селе-то одни вдовы почти остались, а тут свежая рыбёшка, главное дети досыта поели. И потихоньку стал народ работать повеселее. Видя эдакое, председатель Сергей Андреевич дал Алексею лошадь с телегой. А по осени Алексей Петрович подался в лес, и совсем вскорости обеспечил мясом всё село, застрелив двух лосей и медведя. Птица для него в расчёт не принималась, потому что много её было, и в каждом доме села отведали глухаря да рябчика. Деревенские люди шибко ценили труд фронтовика, и при каждой с ним встрече кланялись в ноги. Алексей Петрович не любил этого, и тут же останавливал земляков, говорил им, не надо, мол, этого делать! У вас мужья в войну погибли, а жрать чего-то всем надобно. Прошло какое-то время, и люди зажили намного лучше, но и сам Алексей Петрович стал работать на тракторе. И снова мысли, как на фронте, одолевали его. Вспоминал он Марию, как целовались с ней, и боялись, что кто-нибудь их заметит. А потом они убегали к скирде сена, прятались там, и снова целовались, миловались...

Прошло пять лет, и все эти годы Алексей Петрович искал свою дочь Анну, всех спрашивал в городе о ней, но никто ничего не знал. Заметно, и раньше определённого жизненного срока он постарел. Было воскресенье, Алексей Петрович в этот день полдня ремонтировал трактор, да вот прихватила спина, никак ему было не разогнуться. Пошёл домой, затопил баню, хотя далось это через сильные боли. Вернулся в дом, достал из печи суп, сидел да ел деревянной ложкой своё одинокое хлебово. Вдруг что-то скрипнуло на крыльце, и ещё мгновение, и дверь отворилась. В дом зашла дочка Анна, а с нею два дитя. Анна, поперхнувшись, сказала:

— Здравствуй, отец! Примешь непутёвую дочь?!

Алексей Петрович, поднявшись с лавочки, подошёл к дочери, заплакал, и с дрожью в голосе сказал:

— Да ты что, дочка, как же не принять-то? Маша бы это не одобрила. А это детки твои?

Рядышком с матерью стояли двое детей. Мальчик и девочка. Одеты были они очень уж плохонько. На мальчике было старенькое ношенное-переношенное пальтишко, и на девочке тоже. Обуты их маленькие ножонки в... лапти. Алексей Петрович быстро справился с собою, и скомандовал:

— А ну-ка, мои хорошие, раздевайсь, а я тут супу спроворил, да баню истопил. Ты, дочка, слазь-ка в погреб и достань рыбки солёной да бутылочку. У меня-то вишь, спину прихватило, дыху нет.

Дочь, раздевая детей, спросила:

— А как же ты, отец, баню с такой спиной истопил?

— Да, тут в деревне одно лекарство, — баня.

Анна намыла детей в бане, и сама попарилась. У Алексея совсем заклинило спину, и дочь прямо сказала:

— Отец, я тебя сама попарю и помою.

Алексей Петрович не стал отговариваться, потому что это ему было очень приятно, он снова заплакал. После бани, когда дети уже были накормлены и уложены спать, Анна рассказала отцу свою историю:

— Приехал к нам один киномеханик в село. Полюбила я его, и всё в общем-то сразу и случилось. Мама наша в передовиках, и она не одобрила мой выбор. Я и убежала с ним. Поначалу мы немного пожили в городе, а потом он нас в свою деревню увёз. Родила я Стёпку, а Николай пил всё время. Я думала уходить от него, но мама его уговорила не делать этого. А тут я снова забеременела. Нервы у мужа совсем сдали, тогда-то ушла я от него. А куда идти-то, думаю?! От людей случайно узнала, что мама умерла, а ты один живёшь. Если не нужны мы тебе, мы уйдём, ты нам только скажи!

Алексей Петрович, пока говорила дочь, всё вспоминал, как бережно и ласково мыла она его в бане, и видел он украдкой слёзы на глазах дочери, но сдержался, ничего тогда не сказал, но тут после ее слов уже у него удержу не было:

— Ты, Анна, с детишками своими — самое дорогое для меня. А что мне одному надо? Придёшь домой, наваришь картошки, а есть-то и неохота, просто заставляешь себя. А без еды с трактором не справишься. Только вот не понимал я, почему на похороны матери ты не приехала, но теперь мне всё понятно. Да я так, дочка, и думал, что ты об этом ничего не знаешь. Разве ты бы не приехала?! У кого бы в таком случае сердце не дрогнуло?! Есть, конечно, такие люди, но их, слава Богу, не много на этом свете живёт. А мы, дочка, свою корову заведём, мне-то одному ни к чему это было, а детишек-то надобно поить молоком, и они тогда справные будут, — сама знаешь. Я, когда с войны вернулся, Маша держала корову. Когда я её похоронил, вижу, люди на селе все голодные. Сама знаешь, всё на фронт, всё для Победы, а сами хоть сдохни, дак ведь и помирали! А сколько такого, — о Господи! Ну, словом, заколол я корову, и раздал людям мясо.

Дочь молчала и тихо плакала, а потом сказала:

— Ты, отец, у меня святой!

Алексей, налив себе водки, выпил, хрустнул солёным огурцом, а когда огниво провалилось внутрь, сказал:

— Да тычто, дочка, какой я святой-то?! наших фронтовиков-то побило на

войне, а живых по пальцам быстро сосчитаешь, сколько их целёхоньких домой вернулось. Ванька без ноги, Авдей без руки, Николай — без ног, а Володя Курочкин лежит да уже и не встаёт, ослабел совсем. А после войны трудно человеку одыбать, — по себе знаю.

Утром, когда Алексей проснулся, он тут же вспомнил, что было вчера. А дочка уже доставала из печи в чугуне кашу со словами:

— Садись, тятя, позавтракаем.

Дочь с отцом поели одни, потому что дети ещё крепко спали.

— Ну, на работу я нынче не ходок, так и не отпустило, полезу-ка я, дочка, на печь, греть спину.

Нагрев на печи спину, Алексей почувствовал, что боль в поясницу опустилась, и стало болеть пуще прежнего.

— Дочка, помоги мне слезть с печи, — уж очень болит сильно.

Сев на лавку, выпил он два хлебца водки, затем ещё налил, и выпил. Но боль его никак не отпускала. Тут и проснулись его внуки, да с босыми ножонками давай бегать по избе. Алексей открыл столешницу, вытащил две конфетки и дал внукам, дети радостно закричали:

— Ура! Дед конфет дал!

Всю эту картину увидел зашедший в дом председатель колхоза Сергей Андреевич:

— Ты чего, Алексей, захворал небось? Ежели захворал, иди лечись. Сам на трактор сяду, чего сделаешь, у нас ведь вечная страда.

Алексей налил председателю и себе водки:

— Понимаешь, дорогой Андреевич, радость у меня.

Председатель выпил, и быстро ушёл, сославшись на дела. А Алексей, глядя на босые ножонки внуков, велел дочке, чтобы они надели лапти. Потом вдруг разглядел он эти лапти, да ужаснулся. Их и выкинуть не жалко несколько, потому что там дыра на дыре, и дырой управляет. Через три дня, когда спину понемногу стало отпускать, Алексей Петрович съездил на подводе в город и купил там для внучат ботинки. Он брал на размер или два побольше, чтобы с запасом было, и чтобы с шерстяным носком их можно было носить. Тогда его дорогие сердцу внучата простужаться не будут, — думал фронтовик.

Приехав домой, сел на лавку, достал из вещмешка две пары ботинок и подозвал внуков. Что тут началось! А началось светопреставление. Они, натянув на свои босые ножки ботинки, стали носиться по избе и радостно кричать. А внук Стёпка закричал:

— Дед нам ботинки купил!!! Ура! Я в них на войну пойду фашистов бить!

Алексей Петрович говорил внуку:

— Да ты что, сердешный! Ведь разбили мы их, фашистов-то, слава Богу!

Внучка Дуня кричала:

— А у меня ноги теперь не будут мёрзнуть! Ура!

Дочь Анна, глядя на всё это, прослезилась. Отец быстро уловил это, и подозвал дочь поближе:

— Я, дочка, думал долго, что же тебе купить.

Затем отец вышел на крыльцо дома, взял мешок и затащил его в дом.

— Вот ведь я, дочка, какой стал, гостинец тебе привёз, да на крыльце оставил, — вот дырявая моя башка!

Отец вытащил из большого мешка новую телогрейку и новые ботинки:

— Вот, дочка, это тебе. Ты примерь, а то переживаю, угадал ли с размером.

Анна примерила ботинки с телогрейкой, всё оказалось впору, лишь ботинки были немного великоваты, но это было не страшно. Затем Алексей достал из вещмешка цветастый платок, и дал дочери.

— На, дочка, носи его на здоровье.

Анна обняла отца, и плача сказала:

— Тятя! Ты вот говоришь не святой ты, а для меня ты святой!

Алексей Петрович в этот момент вспомнил о том, как, вернувшись с войны, он обнял свою Машеньку, и показалось ему, что дочка сзади прильнула к его спине. Ну, а теперь-то всамделишно дочка обнимает. Не объяснишь эту жизнь...